

ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН БЫТЬ СИЛЬНЫМ

Евгений Гаврилович ВОЛНИСТЫЙ — дважды ветеран. Это несложно понять, посмотрев на целую галерею государственных наград на его пиджаке: орден Отечественной войны первой степени, медали «За отвагу», «За победу над Германией», два ордена Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета». Он всю свою жизнь сражался за то, чтобы мы могли людьми называться, людьми достойными, умными, хорошо образованными.

ПРОДОЛЖАЕТ это «сражение» и сейчас, в свои восемьдесят один возглавляя совет ветеранов педагогического труда при обкоме профсоюза работников образования и науки. Внимательно следит за событиями в области, вырезая и складывая в нужном порядке газетные статьи, сводки о ходе хозяйственных работ. Особенно внимателен он к делам Копыльского, Клецкого, Березинского районов, которым отдал многие годы своей жизни. Ездит по области, выступает, советует, принимает участие в дискуссиях. Вскоре примет участие в заседании республиканского совета ветеранов педагогического труда и профсоюзного движения. Можно не сомневаться: Евгений Гаврилович относится к тем, кто никогда не скажет, что появилась у него возможность прожить еще одну жизнь, он прожил бы ее по-другому. Несмотря на то что жизненная дорога была довольно крутой и ухабистой. Особенно в самом начале. Ведь на начало, на зеленую юность, выпала война.

— Евгений Гаврилович! Вам в 1941 году было 14 лет. А с каким чувством вы встретили сообщение о нападении фашистов?

— Я с родителями и сестрами тогда жил в деревне Блевчицы на Копыльщине, к тому времени закончил семь классов и исходил из того, что наконец-то немцы, истоптавшие всю Европу, получат, как следует, по зубам. А потом был шок. На четвертый день войны мы с отцом на поезде возвращались с мельницы и вдруг впереди себя увидели немецких мотоциклистов. Ведь наша деревня находилась всего в шести километрах от магистрального шоссе Барановичи — Слуцк.

— Что еще вас поразило в начале войны!

— Появление полиции и полицейских гарнизонов в Семежево, Тимковичах, Копыле. Копыльский и тимковичский потом разгромили партизаны.

— В вашей деревне гарнизона не было!

— В нашей деревне жили патриоты. Более восьмидесяти человек стали партизанами. По сути — вся молодежь. Целая рота. Перед войной у нас был передовой колхоз. Еще в 1933 году построил свою электростанцию, которая работала на торфе.

— Кого больше боялись — немцев или полицейев?

— Конечно, полицейев. Они ведь были здешними, всех знали в лицо. Немца можно было ввести в заблуждение, полиция — нет. Моя старшая сестра до войны закончила техникум и работала в Гродно. С началом войны вместе с мужем пришла в родные места. Муж и два его брата сразу ушли к партизанам, а она некоторое время жила у свекра. Однажды в дом ворвались семежевские полицейские. Сестра успела спрятаться, а свекра вывели во двор, заставили выкопать яму и расстреляли. Так что пусть никто не старается обелить гитлеровских прихлебателей. Они верно служили оккупантам, пришедшим сжечь нас с лица земли, и никакими другими целями не руководствовались. Наша Победа — это победа и над их предательством.

— А как складывалась ваша солдатская судьба?

— Солдатом я стал в восемнадцать лет. Сначала был учебный батальон в запасном полку в Смоленской области, затем — маршевая рота и 66-й стрелковый полк 28-й армии в белорусского фронта. Восточная Пруссия. Это наша армия захватила первый кусочек Восточной Пруссии.

Помню, тогда кто-то на простом клочке бумаги написал и прикрепил на видном месте: «Вот она, проклятая Германия».

В пехоте выжить было трудно. После первого же боя из 109 человек нашей роты в строю осталось 16. Остальные были убиты или ранены. Наступать-то приходилось в полный рост, по открытой местности. Я был во взводе автоматчиков. Наша специализация — разведка боем. Тяжелый бой, особенно для новичков на фронте. Это значит вызвать на себя огонь всех огневых средств противника, чтобы их засекли, оценили и затем подавили. Воевал не долго, но был дважды ранен. После второго ранения лечился больше полугода.

— Что больше всего врезалось в память из фронтовой жизни?

— Кажется, Юлия Друнина написала: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Но страшнее всего перед боем, труднее всего подняться из окопа в открытое поле и пойти в атаку. И побеждать по этому полю, которое буквально на каждом метре, кажется, случивается от ударов пули и взрывов. Потом проще. Сказывается азарт боя. Такая у нас, автоматчиков, была работа. Мы не считали, даже не думали, что совершаем героические поступки. Мы знали, что так надо. И делали свое дело. А чувствуем, тем более страхом, надо управлять. Смерти в бою страшатся все, но трусами становятся те, кто страх не поборол.

(Окончание на 3-й стр.)

Фото
Олега ИГНАТОВИЧА.

ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН БЫТЬ СИЛЬНЫМ

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

Второй вывод, который я для себя сделал на всю жизнь: каждый молодой человек должен пройти армию, быть хорошо физически подготовленным. Не для войны — для жизни. Но я убедился в этом на войне. Мы зачастую выживали именно за счет физической подготовки, сноровки, ловкости, быстрой реакции. Никогда не забуду, как в одном из наступлений нам в траншеи прислали подкрепление. Одному из прибывших солдат было уже под сорок. До сих пор помню его лицо. Перед тем как спрыгнуть в траншею, он приподнялся, чтобы высмотреть более удобное для приземления место. Кричу ему: «Прыгай!», а он еще раз приподнялся. А я гляжу — у него на груди уже задымилась стружкой шинель. Пуля попала прямо в сердце. Так и упал в полуметре от меня. На войне без сноровки нельзя. Как и в жизни.

— Говорят, человек на войне к смерти привыкает!

— Неправда. К этому привыкнуть нельзя. Особенно к гибели товарищей, с которыми еще утром всё делали вместе. Меня и сейчас по ночам преследуют эти бои, когда надо бежать под взрывами и пулями, стрелять самому.

— Из ваших сверстников многие погибли!

— Нас призывалось 12 человек 1926 года рождения. Вернулось шестеро.

— Вы дважды были ранены...

— Один раз — в голову, второй раз была перебита берцовая кость ноги. Рана долго не заживала. Семь месяцев пробыл в госпиталях. За это время война закончилась. При выписке дали третью группу инвалидности. Через долтора года ее сняли, чему я был очень рад.

— А как вышло, что родители были получили похоронку!

— Это был для них страшный удар. Я был в семье единственным сыном. Самым младшим. И четыре сестры. Сообщение о моей гибели стало для них настоящей трагедией. Когда я уже работал преподавателем

первую школу, школа размещалась в семи хатах. Потому строили школы, прокладывали дороги, хоть грунтовые, но улучшенные, повышали урожаи на полях. За те годы, когда я был первым секретарем Березинского райкома партии, урожайность зерновых выросла в два раза. Когда был начальником областного управления образования, были построены новые здания почти для всех средних и базовых школ. Ежегодно до двух десятков новых школ вводили. В то время мы полностью перешли на кабинетную систему обучения. Есть что вспомнить.

— Вы, наверное, были строгим руководителем!

— Всегда придерживался трех правил. Во-первых, не критикуй предшественника, просто старайся не повторить его ошибок. Во-вторых, лучше человека авансом поощрить, чем авансом наказать, чем недооценить. В-третьих, ни на кого не держи зла. Наоборот, доверяй людям. Доверие — залог сплоченности.

— Тринадцать лет в должности начальника управления образования — это хорошо или не очень? Некоторые утверждают, что надо менять работу каждые пять лет.

— Хорошо. Один из моих предшественников — Федор Константинович Корж, весьма уважаемый человек — двадцать лет проработал. После него был Чернявский, потом я, потом Новик — тоже тринадцать лет. На нас четверых пришлось полстолетия. Нынешний руководитель управления Таиса Ивановна Данилевич тоже не первый год работает. Считаю, это положительно сказалось на стабильности кадров как в управлении, так и в системе образования. Мне приятно, что многие традиции, подходы к обучению сохранились до сих пор. Стабильность и преемственность — это большое достоинство школы.

— Неужели у вас нет никаких претензий к нынешней системе образования?

— Есть, конечно. Я бы на эту тему и с министром побеседовал. Надо больше усилий прилагать для возвышения учителя и учительского дела в обществе. Ведь, согласитесь, учитель — это тот человек, через которого

В
еще
центр
цию
ритор
Черн
южны
глись
дусме
ния,
Е
ютил
сту го
ние в
ство
С
янно
се пр
рова
шло

М
Р
н
ш
т

райисполкома в Клецке, мне нашли в военкомате то уведомление: «Ваш сын младший сержант Волнистый Е. Г. пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины. Похоронен на окраине поселка с русским названием Волчий Лес...».

Почему так получилось? Видимо, потому, что когда меня после ранения везли в госпиталь, попали под бомбежку. Взрывом меня выбросило с телеги в кювет, я потерял сознание. Похоже, сочли в спешке убитым. Бывали такие ошибки на войне.

К сожалению, похоронка пришла раньше, чем мое письмо из госпиталя. Родители рассказывали, что когда почтальон его принес, отец, плотник, как раз строил дом на краю деревни. Когда немцы отступали, местный староста успел сжечь два десятка хат. Вот их и отстраивали. С этим письмом он прибежал домой, схватил в сених литр самогона и поставил на стол. А мама лежала. От горя она не могла двигаться. Тогда отец скомандовал: «Вставай, Женя жив, будем и мы жить!». Таким было мое второе рождение для родителей.

— А как начался путь в педагогику? Ведь за время войны вы упустили столько лет...

— Да, вернулся из армии в девятнадцать. За плечами у меня было семь довоенных классов. Встретился я со своей подружкой, нынешней женой Александрой Андреевной, а она и говорит: «Пошли вместе в девятый класс в Тимковичскую школу. Догонишь». Так я снова сел за парту в девятнадцать лет. А это семь километров от дома. Хромал еще, но ходил. И не только я. Еще два фронтовика было с нами. Один — Володя Переселяк — без руки, другой — мой фронтовой товарищ Иван Варвашеня — с раздробленной ступней. Он, к сожалению, ходить так далеко не смог.

Потом был Барановичский учительский институт, в который мы поступили вместе с Александрой Андреевной. Она — на химико-биологический, я — на физмат. Там и поженились на втором курсе. В следующем году будет шестьдесят лет, как мы вместе. После окончания института нас направили в родные места. Через пять лет я уже был директором школы и заочно учился в пединституте.

— Много лет вашей жизни связаны с руководящей работой более высокого уровня...

— В 1961 году меня избрали секретарем райкома партии, через пять лет стал председателем Клецкого райисполкома, еще через четыре — первым секретарем Березинского райкома партии. Потом тринадцать лет возглавлял управление образования Минского облисполкома. До самой пенсии.

— Сейчас о том времени говорят разное. А вы о чем вспоминаете?

— Мы тогда решали другие задачи. Когда я пришел в свою

лучить ни одной профессии, не «побывав в руках» учителя. Он формирует будущее государства и общества. А труд его оплачивается пока не лучшим образом. Очень хорошо, что руководство Минского облисполкома принимает меры для дополнительного поощрения учителей. И материального, и морального. Только в минувшем году поощрено примерно полторы тысячи человек. Тут Николай Федорович Домашкевич, как говорится, в корень смотрит. Но надо, чтобы возвышение учителя стало главным делом Министерства образования.

А возьмем такой вопрос, как присвоение почетных званий. Среди ветеранов педагогического труда 154 заслуженных учителя, а среди работающих учителей — 12. Раньше мы каждый год по пять-шесть человек к этому званию представляли. Теперь и по одному не выходит. Значок «Отличник образования» и то единицы получают. Считаю, что министерство в этом деле должно быть более настойчивым.

— А совет ветеранов педагогического труда какие усилия прилагает, чтобы поднять престиж учительской профессии?

— У нас две основные заботы. Главное, чтобы учитель на пенсии не был забыт в его нуждах. Прежде всего — в коллективах, в которых он работал. Чтобы он не оставался наедине с самим собой. Вот в Борисове в Доме культуры есть хорошая традиция: на любых торжествах первые четыре-пять рядов зрительного зала — для ветеранов всех профессий. А еще — топливо на зиму, приусадебный участок. К этому и школьников привлекаем.

Вторая наша задача — максимально использовать опыт педагогов-ветеранов. Ведь бывших учителей не бывает. Потому они и в агитаторах ходят, и в работе избирательных комиссий участвуют. Общественная востребованность очень важна для здоровья. Чем полноценнее жизнь человека, тем дольше он проживет. Считаю, что правильно было бы принять еще одно решение: если человек долгое время возглавлял школу, надо, чтобы он навсегда остался почетным членом педагогического совета этой школы.

— Вы довольны тем, что в свое время выбрали педагогическую стезю?

— До конца своих дней буду провозглашать здравицу учителю.

Беседовала

Ольга

АЛЕКСЕЙЧИК, «МП».

ОТ РЕДАКЦИИ.

*«Мінская праўда»
сердечно поздравляет
Евгения Гавриловича с Днем Победы и
желает ему крепкого
здоровья и неуязвимой
бодрости. Не сомневаемся,
что к этим пожеланиям
присоединятся его ученики
и коллеги.*

ного.
Крас
ское
(ВОК
НЫМИ

З
Г
Ч
Я
Р
Т
П
В
С

В с
«1-я Ми
фоне м
вали се
непоздн
середн
биомас
ки сфор
но сухи
состави
питатель

Уро
количес
чала пол
лей имел
зерна с
грамм, а
ществ —
нию с со
ществ —
единиц —
с сортом
мечались
та «киев
вой спел
зерно не

Высе
на постоя
тому что
центная с
действие
чение дву
листьев о
уборкой с
процент
чала полно

Для
создание
м²/га, то
ставит 7,9

Особ
сорняками
использов
диации), п
формиров
из почвы 4
ход воды н
ществ сост
178—281 к
но больше
почвы. Осо
болотных
ных много
их распро
ки почвы и
на полях Р
отмечалос
стоящих л
зах развит
летних — 6
прысковых
Игуменщин
том числе
150, двудо
них — 440.
своевремен
культуры на